

страстей, на верности нравам, обусловившим изображаемые характеры. И этого Мерзляков в трагедиях Сумарокова не находит.

Особо останавливается критик на рассмотрении трагедии «Синава и Трувор», которая признавалась едва ли не лучшей среди пьес Сумарокова. Не случайно она была в 1751 г. переведена на французский язык, а в парижской газете «Journal étrangers» (avril 1755) была помещена рецензия на нее. Именно на содержании этой рецензии и сосредоточивает основное внимание Мерзляков после традиционного пересказа сюжета трагедии. Содержавшийся в рецензии подход к оценке сумароковской пьесы вызывает у Мерзлякова яростное несогласие, и он по пунктам полемизирует с рецензентом. Этот заочный спор Мерзлякова с современником Сумарокова наглядно отразил разницу в понимании задач критики двух эпох литературного развития. Полемика Мерзлякова с неизвестным оппонентом XVIII века и составляет главную ценность критического разбора, предпринятого в статье. Остановимся на ней подробнее.

Прежде всего Мерзляков высказывает предположение, что рецензия была сочинена в России. К такому выводу он приходит после язвительного анализа названия рецензии, стиль которого, по мнению критика, исполнен подобострастного преклонения перед всем, что появляется в Париже. Подобное аффектирование стиля сродни речи продавщиц модного товара, торгующих на Кузнецком мосту, замечает он. Но основание утверждать российское происхождение данной рецензии он находит и в ее содержании. Мерзляков тонко подмечает скрытый выпад в самом начале рецензии против Ломоносова как автора трагедии «Тамира и Селим», написанной в одно время с пьесой Сумарокова. Выхваляя достоинства зачина «Синава и Трувора», «парижский» рецензент противопоставляет ему начало неназываемой ломоносовской пьесы, где якобы неестественными рассуждениями героини в беседе с наперсницей в 1-м явлении создается ложная экспозиция столь же малоестественного действия. Мерзляков со своей стороны приводит в пример монолог Ильмены, рассуждающей наедине с собой о тяжести выпавших на ее долю страданий и невозможности соединиться с возлюбленным, и таким образом уличает «парижского» рецензента в непоследовательности, ибо все упреки его в адрес Ломоносова могут с равным успехом быть адресованы автору «Синава и Трувора». «Весьма жаль,— замечает Мерзляков,— что Ильмена часто бывает непостижима. Вместо того чтобы действовать, она мечтает единственно о гробе и таким образом не оставляет ничего ожидать зрителям. Рецензент говорит: «Признание Ильменино, несносная обеих печаль, их пени на судьбу, побуждающие зрителей к слезам, *составляют сие ис-*